

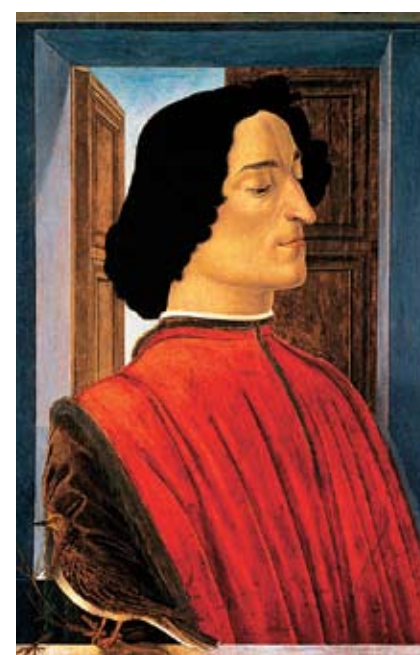
«Чудеса св. Зиновия»,
предположительно
1500–1505 годы.
Галерея старых
мастеров, Дрезден

«Мадонна Гвиди»,
предположительно 1468 год. Лувр

«Портрет Микеле Марулло Тарканиота»,
предположительно 1489–11494 годы.
Коллекция Камбо, Барселона

«Портрет Джулиано Медичи»,
предположительно 1476–1477 годы.
Вашингтонская национальная галерея

сопоставления и ученые выкладки не разубедят армию боттичеллиевских поклонников в том, что их кумир — лучший.

Трудно поверить, но героем высокой культуры Сандро Боттичелли стал сравнительно недавно и неувядающей модой на хрупких Мадонн и златовласых Венер обязан прерафаэлитам. До середины XIX столетия он оставался в тени соотечественников и младших современников, которых весь мир звал просто по именам: Рафаэль, Микеланджело, Тициан и Леонардо. И любовь к его воздушным, одним контуром сделанным рисункам к «Божественной комедии» была уделом знатоков и эстетов вроде той секты, что собралась вокруг Уильяма Блейка. Одна-

ко «Братство прерафаэлитов», заново открывшее прелесть Кватроченто, учредило нечто вроде культа Боттичелли, объявило его чуть ли не первым в истории поборником чистой красоты и старательно подражало его прихотливо струящейся линии, явно вынесенной из мастерской брата-ювелира, где он подвизался еще мальчишкой. Благо полулегендарная история любви к красавице Симонетте, с которой писаны все его Мадонны и Венеры, так удачно накладывалась на собственную мифологию братства, а прерафаэлитские чахоточные музы Лиз Сиддал и Джейн Берден так походили на боттичеллиевских прекрасных дам. Вскоре толпы английских туристов

рыскали по Флоренции в поисках драгоценных алтарей с путеводителем Джона Рескина в руках, а весь крещеный мир зачитывался вдохновенными эссе Уолтера Патера. И вот уже Павел Муратов в «Образцах Италии» провозглашал, что «Рождение Венеры» не только лучшая из картин Боттичелли — это лучшая из всех картин на свете».

Култ Боттичелли насчитывал великое множество приверженцев, когда за изучение его картин и фресок взялись наконец серьезные ученые. Доказали, что «Венера и Марс» не просто портрет Симонетты и Джулиано, а «Весна» не просто гимн торжествующей юности, а целые астрологические трактаты в ду-

хе идей Марсилио Фичино, пытавшегося примирить язычника Платона с отцами церкви. И что Сандро, сын кожевника, был не столько восторженным трубачом красоты, сколько утонченным художником-философом. Недаром же Вазари рассказывает, что интеллектуал Боттичелли обругал кого-то из приятелей еретиком, «потому что, будучи неграмотным и едва умея читать, он толкует Данте и упоминает имя его все». Впрочем, вряд ли ученые отравят радость от встречи с боттичеллиевским искусством тем, кто упорно ищет в нем одну лишь чистую красоту.

Франкфурт-на-Майне, Штеделевский музей,
до 28 февраля